

Когда Ли Гуанцзуна только отправили в город учиться счёту и щёлкать костяшками на счётах, Лю Хуасян хвасталась этим добрый месяц. Во всей деревне не осталось дома, где бы не слышали, как хороша жизнь в округе, как Ли Чжэнжэнь ценит племянника и как старики-родители души в нём не чают, только и желая, чтобы Гуанцзун пожил у них да набрался ума.

И вот не прошло и четырёх месяцев, как парень втихомолку вернулся. А уж когда Ли Эр с женой, едва дождавшись рассвета и не догуляв праздник Юаньсяо, поспешно укатили на воловьей повозке, односельчане окончательно заподозрили неладное. Вскоре по деревне поползли слухи: в городе явно что-то стряслось.

Если бы Гуанцзун просто соскучился по родителям в праздники, он бы вернулся к кануну Нового года. А тут — торжества на исходе, он является один, а родители, напротив, срываются в путь... Всё это выглядело крайне странно.

Правда открылась всего через день.

Когда супруги вернулись, встречные соседи то и дело окликали их:

— Куда это вы ездили? Гуанцзун-то дома, неужто в город за гостинцами для него мотались? Сразу видно, как мать по сынку соскучилась!

Но и это не сходилось: за гостинцами на три дня не уезжают.

— За каними гостинцами! — в сердцах выкрикнула Лю Хуасян. — Я в город за правдой ездила! Будь он проклят, этот Ли Чжэнжэнь, ирод с душой чернее сажи...

Женщина привезла столько обиды и горечи, что просто не могла держать их в себе. В городе Ли Чжэнжэнь был на своей земле, и там ей слова сказать не давали, но здесь, в деревне, она выложила всё без утайки. Ей было плевать, что над ней будут зубоскалить — главное, чтобы все увидели истинное лицо семьи Третьего Ли.

— Бесстыжие твари! В городе рис по четырнадцать-пятнадцать вэней за шэн продают, а я им десять лет по восемь возила! Когда Гуанцзуна к ним привела, ещё и сотню вэней сверху скинула, а этот пёс со своей шлюхой-женой на пару решили моего сына известить! Еды не давали, воды жалели, зато заставляли его стирать, посуду мыть, дрова колоть да ночные горшки выносить...

Она сокрушалась, вытирая слёзы:

— Не побоюсь вашего смеха: мы с мужем столько лет перед Третьим Ли лебезили, вся деревня видела, как мы к ним ластились. А теперь старики нас же непочтительными называют! Мы им

зерно за бесценок, а они нас — в неблагодарные. Этот мерзавец ещё и стражу позвать грозился, хотел Гуанцзуна за решётку упечь! Родной дядя — и так губить племянника!

— Стражники уже на пороге стояли, мы своими глазами видели! Если бы не удрали вовремя, остался бы Гуанцзун сиротой. За что мне доля такая горькая... Достался же деверь ядовитый. Семьи давно разделили, а он всё норовит из нас жилы тянуть. Гуанцзун взял у них всего двадцать вэней — двадцать несчастных медяков! — а эти изверги решили извести и парня, и всю нашу семью...

Деревенские о таком и слыхом не слыхивали. Бывало, что братья ссорились или враждовали, но чтобы родного брата в темницу под палки подставлять — это было за гранью. А уж помня, как семья Ли Эра годами снабжала городских родственников дешёвым зерном, поступок Ли Чжэнжэня и вовсе казался верхом низости.

— Ещё при разделе имущества всё ясно было, — шептались бабы. — Старики так явно младшенькому потакали, что у Ли Да зубы от злости скрипели. Если бы не учёба этого Ли Чжэнжэня, отец Чжоучжоу, поди, и жив бы остался.

— И то правда. Удивительно другое: Гуанцзун ведь парень, наследник рода, внук законный... Как у стариков рука поднялась так с ним поступить?

— Так они с младшим из одного котла едят. Кого им ещё защищать, как не того, кто их кормит?

— Защищать — это одно, но родного брата на каторгу гнать... Это уже чистый яд.

И это было правдой. Семья Второго Ли хоть и отдалилась от Ли Да, пытаясь прильнуть к городскому богатству, но перед Третьим Ли они всегда были безупречны. Даже те, кто недолюбливал Лю Хуасян, не могли упрекнуть её в том, что она плохо относилась к деверю.

И вот какова оказалась цена этой доброты — десять лет отборного риса и преданности. Старейшины деревни, узнав о случившемся, только вздыхали: Ли Чжэнжэнь в городе совсем испортился, душа его прогнила. Сколько бы он там ни зарабатывал, человек он конченный.

Разговоры о беде Второго Ли поутихли через пару недель: весна пришла, снег стаял, и крестьянам стало не до чужих драм — пришла пора готовить удобрения и удобрять суходольные поля. Чужие беды — дело мимолётное, а вот будущий урожай на своих полях — вопрос жизни и смерти.

Ворота дома Ли Да теперь днём всегда были распахнуты. Хоть готовить удобрения для сухих полей было делом нехитрым, односельчане, впервые взявшиеся за это, то и дело прибегали к Ли Да посоветоваться, как отец и сын это делают. Приходя за советом к мастерам, с пустыми руками не являлись: кто кочан капусты принесёт, кто пару яиц — в знак доброй воли.

Дорогих подарков Чжоучжоу не брал: примет овощи с огорода или несколько яиц, и на том всё — во второй раз за то же самое mzды не принимал. Добрая слава Ли Да в деревне выросла ещё больше. Особенно на фоне постыдной истории Ли Чжэнжэня, который родного брата за решётку едва не упек. Люди нет-нет да и поминали Третьего Ли крепким словом.

Лю Хуасян эти ругательства слушала с особым удовольствием. Стоило ей притомиться на полевых работах, как она принималась костить деверя на чём свет стоит — глядишь, и силы снова возвращались.

В деревне Дунпин, в доме Гу Сы, тоже начали удобрять поля, но Четвёртый Гу делал всё спустя рукава, до конца не веря в успех затеи.

Едва закончили с сухими полями, как пришла пора везти каменную крошку из деревни Дацзао. Воспользовавшись погожими весенними днями, начали готовить удобрения для заливных полей. Эта работа растянулась до начала мая. Когда удобрения были готовы, поля очистили, и настало время высаживать рассаду риса. Вся первая половина года прошла в непрерывных трудах, просвета не было видно.

Лишь в доме дяди Вана у самого въезда в деревню было потише — у них не было заливных полей. На продаже тофу в праздники они немного заработали, но на покупку даже одного му рисового поля этого не хватало. Дядя Ван с завистью смотрел, как другие готовят удобрения, ведь осенью их ждал богатый урожай. Селяне, измотанные полугодовым трудом, потирая поясницы, утешали его:

— Ох, с самой весны присесть некогда было... А тебе и ладно: десяти му суходола и так за глаза хватает, и сыт будешь, и хлопот меньше.

Хоть и жаловались на усталость, но на лицах сияли улыбки. Труд не пугал — пугала пустая земля без урожая. Стоило вспомнить, сколько денег выручил в прошлом году Ли Да, как у всех открывалось второе дыхание.

— Сейчас Ван Эргоу сгинул, подкопишь денег, через пару лет и себе пару му заливных купишь. Как раз Сяо Тянь подрастёт, в поле подсобит. А сейчас, даже будь у тебя рисовое поле, много ли с ним навоюешь? Свёкор твой — калека, а свекровь только и знает, что на хвори жаловаться.

— Сяо Тянь и сам сейчас слаб здоровьем, — вздохнул Ван Сюэ. — В поле ему не выйти. Придётся ещё несколько лет погодить.

Соседи видели тоску в глазах дяди Вана и подбадривали его, говоря чистую правду. Работа в поле тяжела даже для взрослого мужчины, что уж говорить о девятилетнем мальчике.

— А по мне, так Сяо Тянь парень смышлённый и покладистый. Был бы у вас выход на город, отдать бы его в ученики, чтобы ремеслу какому научился. Это всяко лучше, чем в земле ковыряться.

— Да какой там выход... — махнул рукой кто-то. — Вон, ядовитый Третий Ли родного племянника извёл, неужто он Сяо Тяню помогать станет? О чём вы толкуете.

— Да нет, я к тому, что Сяо Тяню по его здоровью работа нужна почище да полегче.

Зимой Сяо Тянь снова сильно занемог, в доме не переводился запах лекарств. Соседи, жившие поблизости, только сокрушались, глядя на тяжкую долю Ван Сюэ: как жить дальше, когда на руках немощный свёкор, ленивая свекровь да больной ребёнок? Хотя Ван Эргоу и подох, жизнь Ван Сюэ стала легче лишь самую малость.

— Вы шутите, почтенная тётушка, — грустно улынулся мужчина. — Откуда у нашей семьи связи в городе?

Однако в глубине его души шевельнулась робкая мысль.

«А не податься ли и мне в город?»

— Как это — откуда? Ты ведь тофу умеешь делать. Мог бы и в городке торговать.

— Полноте болтать! Чтобы в городке торговать, жильё снимать надо, а это всё денег стоит. Да и если в сословие торговцев запишут — потом хлопот не оберёшься.

Тётушки и дядя поболтали да разошлись, не думая, что Ван Сюэ всерьёз примет эти слова к сердцу. Но тот и вправду задумался. Однако страх перед торговым сословием всё портил. Через несколько дней, когда с посадкой риса было покончено, Ван Сюэ, взяв свежий брусок тофу, отправился в дом Ли Да.

Ворота были открыты, стол из горницы вынесли прямо во двор. Чжоучжоу, завидев дядю Вана, налил ему чаю. Они присели вдвоём во дворе — всё было на виду у прохожих, так что сплетням места не оставалось, хоть Ван Сюэ теперь и был вдовцом.

— Чжоучжоу, а сянгун не занят? Мне бы спросить его кое о чём.

Ли Чжоучжоу не стал обещать сразу, ответил осторожно:

— Присядьте, дядя, подождите немного. Я спрошу у сянгуну, волен ли он сейчас говорить.

— Хорошо, подожду, — мужчина поднялся, пока Чжоучжоу не скрылся в доме, и только потом сел, неловко сжимая кружку с чаем. Он не пил, лишь поглаживал её края.

Он знал, что такие кружки первыми появились у Ли — это Гу Чжао придумал. Теперь вся

деревня ими пользовалась, только у него в доме всё ещё были старые фарфоровые пиалы, хоть и со сколами, но он берёт медяк и не тратился на новые.

Гу Чжао за столом писал сочинение. Он трудился всё утро, мысли немного зашли в тупик, и он как раз перечитывал написанное. Увидев вошедшего мужа, он отложил кисть.

— Что случилось?

Обычно, когда он занимался, Ли Чжоучжоу старался не беспокоить его.

— Дядя Ван пришёл. Говорит, хочет спросить тебя о чём-то, если ты не занят.

Гу Чжао встал, разминая шею.

— Как раз пора кости размять, засиделся я. Пойдём вместе.

Он взял мужа за руку. Чжоучжоу немного смутился, но руки не отнял. Выйдя во двор, Гу Чжао увидел гостя: даже со спины чувствовалось, как тот напряжён. Поздоровавшись, они уселись рядом.

— О чём вы хотели спросить, дядя Ван? — ученый Гу сразу перешёл к делу, чтобы не мучить гостя пустой вежливостью.

— Я хотел узнать... — начал Ван Сюэ, — если я решу податься в городок торговать тофу, причислят ли меня к торговому сословию?

Учёные, крестьяне, ремесленники, торговцы — купцы всегда стояли на низшей ступени. Сейчас, в эпоху Канцин, законы были не столь суровы, как при основании династии. Тогда, после долгих войн, первый император, желая восстановить страну, наложил на торговцев тяжкое бремя: налоги были огромны, им запрещалось носить шёлк и тонкий хлопок, одежда их не могла быть яркой. Ездить в паланкинах им не позволялось — только верхом на скотине.

Нарушишь закон — всё имущество в казну, а самого на каторгу. В те времена поощряли только пахоту, налоги для крестьян были мизерными, их освобождали от трудовой повинности. Каждому мужчине полагалось по пять му рисовых и пять му сухих полей, ведь мужчина — это и воин, и пахарь. Женщинам и г'эрам тоже давали землю в награду. Но сменилось два правителя, и нынешний император Канцин смотрел на торговлю уже сквозь пальцы.

— Маленькая лавка тофу к торговому сословию не относится, — ответил Гу Чжао. — Только если три поколения семьи подряд будут держать лавку, или если дело разрастётся так, что доходы станут огромными.

Ван Сюэ заволновался:

— Но ведь свекровь раньше делала тофу, и я в деревне делаю...

— Не тревожьтесь. То, что вы в деревне продаёте — это не торговля. Если же надумаете открыть лавку в городке, сначала заявите старосте. У вас есть земля в деревне, значит, вы числитесь крестьянином. Платите вовремя налоги — и можете держать лавку в городе, подушный налог для горожан платить не придётся.

А ведь жители городков и областных центров обязаны были платить ежегодную подать за каждого домочадца.

— А если в доме некому будет землю пахать? — спросил гость.

Гу Чжао пояснил:

— Тогда есть два пути. Первый: оставить запись у старосте о «приостановке пахоты». Земля останется за семьёй Ван, но, пока вы ею не пользуетесь, придётся ежегодно платить налог за десять му по низшей ставке. Зерно для этого можно купить в лавке или собрать в деревне. Выйдет около двух ши.

Налог за пустующую землю был выше обычного, в наказание. Это уже было легче, чем в начале династии, когда крестьянина, бросившего плуг ради наживы, могли высесть палками и отправить на рудники.

— Второй путь: сменить прописку на городок Нинсун. Тогда будете платить только подушный налог. В городке с мужчины берут тридцать вэней в год, с женщины или гэ'эра — пятнадцать. Но тогда землю в деревне Сипин у вас заберут.

Вот почему в те времена люди редко переезжали с места на место. Только война или голод могли согнать человека с насиженного гнезда, ведь потеря земли — это потеря корней. Государство держалось на крестьянах, привязанных к своим наделам. Ни один император не любил беглых крестьян.

Видя, как Ван Сюэ поник, Гу Чжао спросил мягко:

— Дядя, вы хотите забрать Сяо Тяня в город и вместе торговать тофу?

— Нет... не совсем так, — замялся тот. Едва вспыхнувшая искра надежды окончательно угасла. Он поставил кружку и поднялся. — Спасибо, учёный Гу. Не смею больше обременять вас... У меня дела.

Слова благодарности путались у него на языке.

— Погодите, дядя Ван, присядьте, — остановил его Гу Чжао. — Вы ведь боитесь, что Сяо Тянь со своим слабым здоровьем не сдюжит в поле?

Мужчина, уже собравшийся уходить, замер и снова сел, опустив голову и теребя край одежды.

— Я тут на днях услышал, что хорошо бы парню ремеслу выучиться... Отдать в ученики. Вот и задумался. Сяо Тянь зимой снова занемог, он такой слабенький, в поле ему не выжить. Заливных полей у нас нет, а даже если скоплю медяков да куплю — кто на них горбатиться станет? В следующем году сыну десять исполнится, ни земли у него, ни угла своего...

— Сейчас у нас десять му суходола. Честно скажу — свёкор весной едва три-четыре му удобрил и слёг. Я хотел было схитрить, оставить как есть, да совесть не позволила урожай губить — всё сам доделывал. Но пока в поле пластаешься, тофу делать некогда. Один я изведусь, а толку не будет. Я и думал: может, в городке с тофу лучше пойдёт? В деревне зимой я за три месяца три ляна серебра выручил.

Три ляна — это три тысячи вэней. Значит, около тридцати медяков в день, за вычетом бобов. Зимой тофу расходился на ура, даже из соседних деревеней приходили. Но весной торговля падает, сейчас дядя Ван делает всего один короб в день, и прибыль невелика. Он выложил всё как на духу:

— Я думал, на тофу будет полегче. Тяжёлую работу сам сделаю, Сяо Тянь — что попроще. Всё лучше, чем на жаре гнуться. Да и лекарь в городке под боком, если что.

Прошлую зиму Сяо Тянь горел в лихорадке, и отец едва с ума не сошёл. Снег завалил дороги, до городка не добраться, лекаря не сыскать... Он всю ночь молился, пока у сына жар не спал. Ли Чжоучжоу, слушая его, растрогался до глубины души и посмотрел на мужа.

Гу Чжао прикинул в уме:

— Посчитаем, дядя. В прошлом году наше суходольное поле после удобрения дало по четыре ши с каждого му. По государственным ценам за всё можно выручить шестнадцать лянов. Даже если половину оставить себе на пропитание — остаётся восемь лянов. Если считать пять месяцев «мёртвого» сезона, на тофу вы заработаете около четырёх лянов. Итого — двенадцать лянов в год. Вычтем расходы на лекарства — пусть четыре ляна, остаётся восемь. Это я ещё по-скромному считаю, верно?

Ван Сюэ кивнул. Расходы у них были невелики: Ван Эргоу больше нет, муки уходит меньше, да и просо своё.

— В городке вы будете выручать около полутора лянов в месяц, где-то больше, где-то меньше.

За год выйдет восемнадцать лянов. Но придётся снимать жильё — для дела нужно место людное, значит, четыре-пять лянов за аренду. Плюс еда, плюс налог за землю... В итоге выйдет то же самое, что и в деревне. Единственная выгода — Сяо Тяню будет легче, и лекарь рядом.

Мужчина уже было совсем передумал, но последние слова Гу Чжао снова заставили его колебаться. Он мучился сомнениями, не зная, как поступить. Гу Чжао не стал ходить вокруг да около, а дал совет от чистого сердца:

— Дядя, если вы и вправду боитесь за будущее сына, лучше отдайте его учиться к учителю Чжао в деревню Дунпин.

— Учиться? Нет-нет, нам такое не по карману, — замахал руками собеседник.

Гу Чжао терпеливо объяснил:

— Не нужно ему к государственным экзаменам готовиться. Пусть просто иероглифы выучит, писать да считать научится. Год-другой проучится — и сможет в городке или даже в областном центре в книжную лавку, аптеку или к лекарю в ученики податься. Посмотрите сами: когда-то Третий Ли уезжал из деревни без всяких связей. Как он смог в городе зацепиться и стать счетоводом в трактире? Да потому что грамотный был и работы не боялся.

Деревенские либо жалеют денег на ученье, либо, если уж отдают сына в школу, мечтают о чиновничьем сане и не желают, чтобы тот в учениках у кого-то ходил. А книжным лавкам да аптекам как раз нужны грамотные работники, найти их непросто. Конечно, бывает, что места передают по наследству, но, по правде сказать, те, кто разбогател на торговле, часто хотят для детей иной доли — отдают их в науку, чтобы те в люди вышли.

К тому же, по законам императора Канцзин, внуки торговцев уже могут сдавать экзамены на чин. То есть деду и отцу путь заказан, а вот внук уже сможет попытать счастья.

— Так вы сможете и дальше в деревне хозяйство вести да на тофу копить. А Сяо Тянь, выучившись, найдёт место в городе. Если у него всё сложится — и вы к нему переберётесь. А если нет — так у него здесь дом и вы за спиной. К тому же, сейчас парень в поле всё равно не помощник.

Гу Чжао отпил чаю. Он видел, что Ван Сюэ задумался. Главное — Сяо Тянь. Тофу дядя Ван и сам сварит, нечего парню здоровье гробить. Пусть лучше другому учится.

— Подумайте над этим, дядя. Спросите самого Сяо Тяня. Если решитесь — я замолвлю за него слово перед учителем Чжао.

Мужчина и впрямь загорелся этой мыслью. Как он сам не догадался? Он горячо поблагодарил Гу Чжао и Ли Чжоучжоу. Дорогой он всё размышлял: ведь и вправду, когда Ли Чжэнжэнь не

смог пробиться в учёные, он сам пошёл в город искать работу, и никто за него не просил. А теперь он в поле не горбатится, а двадцать лянов в год имеет. Пусть Сяо Тянь хоть семь-восемь лянов зарабатывать будет — и то радость.

Вернувшись домой, он не стал советоваться со стариками, а шёпотом поговорил с сыном. Сяо Тянь очень хотел помочь отцу, но понимал, что сил на поле у него не хватает — только заболееет да лишние деньги на лекарства изведёт. Услышав, что, выучившись грамоте, он сможет найти работу в городе, он твёрдо пообещал, что будет учиться прилежно.

Вскоре Ван Сюэ привел сына к Гу Чжао, и они вместе отправились в деревню Дунпин к учителю Чжао. Раз Сяо Тяню нужно было только начальное обучение — «Тысячесловие» да «Сто фамилий», — учитель согласился охотно. Взял один лян серебра за год и никаких подношений более не потребовал. Семья Чжао надеялась следующей весной отправить Чжао Цзэ на экзамены в уезд — на звание сюэя. Деньги им были нужны, так что лишнему ученику они были рады. Из уважения к Гу Чжао учитель разрешил Сяо Тяню пользоваться старыми кистями и обрывками бумаги.

Когда в Сипине узнали, что дядя Ван отдал сына в учение, деревня загудела снова. За закрытыми дверями свёкор и свекровь подняли крик, но соседи уже всё разузнали: учится парень не на чиновника, а просто грамоте, чтобы в городе работу найти. Оно и верно — с его-то хворью в поле делать нечего. Старики ворчали, что лян серебра за буквы — это грабёж, мол, и без грамоты работу найти можно. Соседи только плевались в ответ:

— Ага, в грузчики его отдать? Кто возьмёт девятилетнего ребёнка тяжести таскать?

К тому же, весь доход в доме был от трудов Ван Сюэ. К счастью, после смерти Ван Эргоу он взял власть в свои руки и сам распоряжался деньгами. Коль отдал бы медяки этим двоим — пошли бы они с сыном по миру.

Деревенские посудачили да и забыли, потому что на полях поспела пшеница. Пришло время жатвы. Колосья клонились к земле под собственной тяжестью! В этом году каждый дом в деревне не пожалел удобрений. Глядя на свои поля, крестьяне не могли сдержать счастливых улыбок. Да, урожай обещал быть небывалым.

Никто не смел медлить, боясь капризов погоды, так что жатву начали на два дня раньше срока. Весь июнь в Сипине — от мала до велика — все, кто мог держать серп, были в поле. Гу Чжао тоже отложил книги и помогал отцу с Ли Чжоучжоу. Опыт прошлого года не прошёл даром — теперь он работал споро и уже не падал без чувств от усталости, хоть и было невероятно тяжело.

Домашний мул теперь не стоял без дела: Гу Чжао с утра сжинал пол-му, а после обеда грузил снопы в повозку и вёз во двор. Ли Эр заходил спросить, не нужна ли помощь, но Ли Да вежливо отказался. С тех пор как Второй Ли порвал с городским братом, он несколько раз пытался наладить отношения со старшим, но тот не спешил раскрывать объятия — как жили раньше порознь, так и продолжали. Прошли десятилетия отчуждения, разве можно всё исправить в

один миг?

Деревенские всё видели, но мирить братьев не лезли. А зачем? Ли Да брату ничего плохого не сделал, а когда Гуанцзун среди ночи в дверь постучал — Чжоучжоу ему целый жбан имбирного чая сварил. Ли Да вёл себя достойно, упрекнуть его было не в чем. К тому же теперь почти каждый дом в деревне был чем-то обязан этой семье, так что никто не принимал сторону Ли Эра.

Когда пшеницу свезли со всех полей, деревня трудилась и днём, и ночью: молотили, веяли, очищали зерно. К началу июля каждый знал, сколько принёс ему этот год. Теперь соседи при встрече первым делом спрашивали:

— Сколько ши собрали?

Или чуть скромнее:

— Богат ли урожай в этом году?

Скрывать было нечего. Люди сияли, показывая пальцами цифры, а кто-то и вовсе кричал от радости:

— С одного му — представляете?! Четыре ши и два доу! Сколько живу, сколько предки мои землю пахали — отродясь такого не видали!

Четыреста сорок цзиней с одного му — это и впрямь было чудо. В хозяйстве Ли Да дела обстояли так же — около четырёхсот сорока пяти цзиней с му. Как и в прошлом году, они сдали по два ши и четыре доу налога — всего на двадцать-тридцать цзиней больше обычного. У остальных было так же. Даже ленивый Четвёртый Гу из Дунпина в этом году собрал по триста с лишним цзиней с му. Когда он увидел гору зерна, то сам перепугался и велел домашним помалкивать, чтобы соседи от зависти беды не накликали.

В середине июля налог был сдан. Чиновник, ведающий сбором зерна, прибыв в Сипин, проверял всё с особой тщательностью. В душе он был потрясён: урожай в этой деревне вырос вдвое у каждого двора! Значит, это не случайность. А через пару месяцев подспеет и рис... За такое полагалась великая награда, глядишь — и сам губернатор на повышение пойдёт. Чиновник был первым, кто обнаружил этот успех, и часть славы по праву принадлежала ему.

Сдав налог, крестьяне не присели ни на миг. Усталости словно и не было — они лишь улыбались во весь рот. Отдыхать? Некогда! Нужно поскорее разбросать по рисовым полям удобрения, заготовленные ещё весной. И только после этого можно было приниматься за продажу излишков зерна.

Когда зерно было продано и в карманах зазвенели монеты, деревенские ребяташки — и

мальчишки, и гэ'эры, и девчонки — стали щеголять с леденцами во рту. Госпожа Тянь и вовсе вызвала сваху для своего Даню:

— Пусть сваха поищет, присмотрит для моего сына девицу добрую. Как рис соберём, в свободное время дом новый ставить начнём, на пир всю деревню позовём. А если всё ладно сложится, так к весне и свадьбу сыграем.

Всё у неё было расписано честь по чести. Две великие радости: новый дом и женитьба сына. Соседи семьи Ли Да, семейство Ван, тоже собирались строиться в ноябре. Гу Чжао выкроил время, чтобы навестить Чжу Сюцяя в деревне Шили, но поцеловал замок: тот на каникулы не приехал — готовился к весенним экзаменам на звание цзюйжэня.

Ученикам казённых академий дозволялось оставаться в городе на учёбу. Родители и жена Чжу Сюцяя трудились в поле одни. Всего за полгода старики заметно сдали, спины их согнулись, а молодая жена, которой едва исполнилось двадцать, выглядела теперь на все тридцать. Гу Чжао оставил подарки, от всей души надеясь, что старания Чжу Сюцяя в следующем году увенчаются успехом.

В октябре созрел рис, пришла пора жатвы на заливных полях. Снова закипела работа. Те, кто в прошлом году побоялся удобрять поля, в этом не пропустили ни клочка земли. Нетерпеливые хозяева первыми сжали один му и тут же взвесили зерно.

— Пять... Пять ши?!

— Отец, неужто весы сломались? Откуда здесь пять ши зерна?!

<http://bllate.org/book/15349/1423023>